В.В. СИМОНОВ, А.В. КОТИНА
V.V. SIMONOV, A.V. KOTINA

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК В ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ[1]

TO THE QUESTION OF THE POSSIBILITY OF USING THE RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL EXCAVATIONS IN MILITARY HISTORICAL RESEARCHES

Общеизвестно, что для исследователей, изучающих историю боевых действий в годы Второй мировой войны, основным источником информации являются архивные документы и воспоминания участников событий. Что касается мемуаров, то их субъективный характер сомнения не вызывает: сведения, содержащиеся в них, всегда требуют подтверждения другими источниками. Но и документы, непосредственно относящиеся к планированию, реализации и итогам боевых операций самого разного уровня, отложившиеся в «военных» архивах, не всегда в полной мере отражают объективную картину. Нивелировать подобную однобокую трактовку событий и фактов помогает сравнение различных источников информации, в том числе документов противоборствующих сторон. Но, во-первых, документы противника также могут быть далеки от констатации реальной картины, а во-вторых, их введение в научный оборот (если иметь в виду прежде всего документы, раскрывающие различные эпизоды военного противостояния тактического уровня) до сих пор затруднено по целому ряду причин. Кроме того, есть достаточное количество боевых операций, особенно относящихся к начальному периоду войны, в ходе которых документы участвовавших в них советских частей и соединений не сохранились, что исключает возможность сопоставления их с аналогичными немецкими документами.

В таких случаях помочь в восстановлении необходимых недостающих деталей произошедших событий могли бы результаты полевых исследований, поскольку широкомасштабные военные столкновения (тем более в не столь удаленную от нас эпоху) оставили многочисленные следы везде, где проходили боевые действия[2]. Из-за своих хронологических рамок эти следы не являются объектами специального археологического исследования. В местах боев Второй мировой войны, как правило, ведутся работы – раскопки с целью поиска останков погибших воинов, получившие

[1] Незначительно сокращенный вариант настоящей работы (без иллюстраций) был опубликован: XIX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Традиции и инновации. Материалы международной научной конференции. Симферополь, Керчь, 2018. С. 437–446.

[2] Здесь и далее, если это не оговаривается специально, говоря о «боевых действиях» или «местах боев», мы имеем в виду события периода Великой Отечественной войны.

в последние годы невероятный размах прежде всего благодаря целевой поддержке государства. Проблема в том, что стандартные поисковые мероприятия имеют ограниченные задачи[3] и весь массив данных, получаемых в ходе таких работ, не только не вводится в научный (или просто широкий) оборот, но фактически не фиксируется, а следовательно, не анализируется и не обобщается. Это тем более печально, что при правильном подходе раскопки могут дать результаты, необходимые для понимания отдельных моментов, крайне важных для оценки причинно-следственных связей произошедших событий.

Для нашего региона это особенно актуально, учитывая специфику боевых действий, которая, в том числе, характеризуется:

- ограниченной территорией при значительном количестве участвовавших в боях войск и ожесточенностью боев (что обусловило максимальную плотность в районе Керчи следов военного времени)[4];

- крайне неудачными действиями советских войск, не раз заканчивающимися чувствительными поражениями, в ходе которых документы частей и соединений были утрачены[5] (что вызывает необходимость подтверждения сохранившейся отрывочной архивной информации сведениями из других источников, в числе которых вполне могут быть результаты полевых исследований).

Следует отметить, что практика подтверждения данных письменных источников вещественными крайне редко встречается в области поисковых работ[6]. И, тем не менее, подобные примеры есть. Так, в Керчи давно работает экспедиция, занимающаяся изучением мест боев (то есть в привычном смысле поисковыми работами), но с использованием принципов и методов археологических исследований. Это экспедиция «Аджимушкай» (начальник В.В. Симонов), долгое время имевшая статус

---

[3] Главная цель поисковых работ (говоря об их «полевой» составляющей) – поиск и последующая эксгумация незахороненных останков воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны. При этом задача выявления, фиксации и анализа сопутствующего материала, как правило, не стоит, если только речь не идет о возможности установления обстоятельств гибели бойца.

[4] Наиболее ожесточенные боевые действия на Керченском полуострове происходили зимой-весной 1942 г. на Ак-Монайском перешейке (в ходе наступательных операций войск Крымского фронта и начального этапа Керченской оборонительной операции) и в районе Керчи (на завершающем этапе Керченской оборонительной операции), а также осенью 1943 г. – весной 1944 г. в районе Керчи (в ходе Керченско-Эльтигенской десантной операции и последующих боев Отдельной Приморской армии). Во всех случаях театры военных действий имели ограниченные размеры, а группировки сторон насчитывали сотни тысяч человек [Россия и СССР.., 2001, с. 294, 346, 383].

[5] Последнее относится как к обороне и оставлению Керчи нашими войсками в ноябре 1941 г., так и к Керченской оборонительной операции войск Крымского фронта, закончившейся повторным оставлением Керчи в мае 1942 г.

[6] Это не значит, что письменные (архивные) источники не используются в поисковых работах. Особенность их использования заключается в том, что они выступают только в роли фактора, способного оказать помощь в поисках останков погибших солдат. Обратной связи – оценки достоверности архивных источников на основании результатов полевых исследований и дополнения содержащихся в них данных – в сложившейся практике мы не видим.

«военно-поисковой», но с 2009 г. сменившая название на «военно-археологическую» (с целью подчеркнуть свою приверженность к научным методикам при проведении работ) [Симонов, 2019, с. 429]. В последние десятилетия основной целью экспедиции является не просто поиск незахороненных останков, а попытки реконструировать ранее неизвестные страницы обороны каменоломен на основе анализа результатов раскопок. Нельзя не упомянуть и о военно-археологической экспедиции «Большой вал» (начальник А.Л. Ермолин), отработавшей в конце 1990-х – начале 2000-х гг. в районе Керчи несколько сезонов. Хотя оба эти примера, скорее, исключение из повсеместно распространенной практики, поскольку участники поисковых работ, как правило, даже не задумываются о необходимости сохранения полученной в ходе раскопок информации.

Но если говорить о нашем регионе, то, кроме традиционно практикующегося подавляющим большинством поисковиков поверхностного подхода к процессу и результатам полевых исследований, есть и еще один фактор, осложняющий целенаправленное изучение объектов военного времени. Это огромная плотность на Керченском полуострове памятников разных эпох, в первую очередь античных[7]. Последнее существенно ограничивает возможность проведения любых работ, не относящихся к категории археологических, на ряде территорий, представляющих интерес с точки зрения изучения боевых действий. В таких условиях информация, возможно, крайне важная с точки зрения изучения истории Великой Отечественной войны, может быть получена только профессиональными археологами. И остается лишь надеяться, что выявленные в ходе археологических исследований данные, относящиеся к периоду 1941–1944 гг., могут стать доступными для всех заинтересованных лиц. По целому ряду причин ситуация здесь далека от идеальной, но вопросы взаимодействия археологов и военных историков ранее, насколько нам известно, не поднимались. И это при том что польза от подобного взаимодействия, если иметь в виду полное и всестороннее изучение объектов, важных для понимания событий, происходивших в годы войны, бесспорна.

Археологические исследования в районе Керчи ведутся достаточно интенсивно,[8] и факт наличия на большинстве исследуемых памятников слоев военного времени очевиден. Но случаи введения в научный оборот материалов, полученных в результате изучения этих слоев, нам почти неизвестны. Хотя они, видимо, фиксируются, что предусмотрено методикой археологических исследований. Примерами могут служить объекты, обнаруженные на античных городищах Тиритака и Мирмекий[9].

---

[7] По состоянию на 2004 г. на учете стояли чуть менее 400 памятников археологии, расположенных на территории Керченского полуострова, в том числе 22 – на территории Керчи и Керченского горсовета и 372 – на территории Ленинского района [список памятников.., 2004, с. 233–237, 437–458].

[8] Достаточно сказать, что только на территории Керчи и Ленинского района (в его восточной части) ежегодно работает не менее 10 археологических экспедиций (не считая так называемых новостроечных), представляющих ведущие научные и музейные учреждения России.

[9] Авторы выражают глубокую благодарность начальнику Боспорской охранно-археологической экс-

В 2013 г. в ходе совместных археологических исследований античного городища Тиритака (рис. 1), проводимых Боспорской охранно-археологической экспедицией (начальник В.Н. Зинько) и Польской археологической миссией «Тиритака» Национального музея в Варшаве (руководитель А. Твардецки), на XXVII раскопе в результате исследования слоев новейшего времени была выявлена конструкция входа в укрытие, «*предназначенное для румынских войск, расположенных на территории археологического памятника*» [Твардецки, Матера, 2013, с. 24]. Данная конструкция первоначально была заглублена в археологические слои античного города и представляла собой вход в какое-то убежище, находящийся с его западной стороны. Вход образовывали стены и лестница, ведущая вниз (рис. 2). В конструкции стен и лестницы были использованы пиленые блоки известняка. Размеры блоков, использованных для строительства стен: 0,47х0,23х0,23 м, в конструкции лестницы – блоки размерами: 0,37х0,37х0,18 м [Твардецки, Матера, 2013, с. 37].

Северная стена конструкции входа в укрытие ориентирована по линии юго-восток – северо-запад, её длина – 3,30 м. Стена сохранилась на высоту семи рядов кладки. Восточная стена, ориентированная север–юг с отклонением на северо-восток, сохранилась на высоту шести рядов кладки, ее длина – 2,00 м. Под прямым углом от нее в восточном направлении отходит следующая стена, верхний ряд кладки которой просматривался на протяжении 0,32 м. С южной стороны конструкция лестницы была ограничена опорной стеной длиной 2,40 м, в которой зафиксировано четыре ряда кладки. Все стены были построены на слое коричневатой глины, содержащей известняковые частицы. Вдоль стен, создающих конструкцию входа, зафиксировано присутствие траншей шириной 0,20-0,30 м [Твардецки, Матера, 2013, с. 38].

Лестница состояла из семи ступеней, каждая из которых была выполнена из трех блоков пиленого известнякового камня. Ширина лестницы вверху была большей и достигала 1,30 м, ширина самой нижней ступени – 1,20 м. Перепад уровня высот между верхней и нижней ступенями составлял 1,35 м. С целью стабилизации конструкции между ступенями и северной стеной входа были помещены стоящие на ребре известняковые плиты и кирпичи [Твардецки, Матера, 2013, с. 38].

По мнению начальника раскопа М. Матеры, само убежище могло занимать все пространство между стенами № 20 и 21 в кв. 15-18 и конструкциями в кв. 11, 13-14. Полностью убежище не раскапывалось, и представление о его размерах базировалось исключительно на оценке соотношения площади нарушенных и ненарушенных слоев в исследуемых квадратах. Древние конструкции частично использовались и при сооружении самого убежища – такой вывод исследователь сделал на основании характера кладки стены № 21, которая представляла собой в нижней части оригинальную античную стену, а выше – доложенную на ее основе в XX в. и отделенную от древней кладки слоем рубероида.

педиции д.и.н. В.Н. Зинько и начальнику Мирмекийской археологической экспедиции А.М. Бутягину за возможность ознакомиться с отчетами о проведении работ.

Принадлежность убежища румынским войскам гипотетическая, непонятно и время его постройки. Если допустить, что его действительно сооружали во время войны, то, учитывая основательность и фундаментальность конструкции, оно могло быть построено либо осенью-зимой 1941 г. (до начала Керченско-Феодосийской десантной операции), либо летом-осенью 1943 г. Но и в 1941, и в 1943 гг. этот участок находился в зоне ответственности немецких частей – 46 и 98 пехотных дивизий (соответственно). Относительно осени 1943 г. есть даже более точные сведения: по состоянию на 11.10.1943 г. его занимал 1-й батальон 282 пехотного полка [Венедиктов, 2004, с. 16; Неменко, 2017].

Найденный в заполнении конструкции вещевой материал также не позволяет утверждать принадлежность убежища румынским войскам. В отчете отмечается, что слои, составляющие заполнение этой конструкции, были «*сильно перемешаны и, главным образом, содержали фрагменты кирпичей, шифера, известковой штукатурки и распиленные блоки – остатки завалившихся стропил конструкции убежища. Обнаруженный материал немногочислен. Прежде всего, найдены фрагменты стеклянных бутылок и единичные винтовочные патроны*» [Твардецки, Матера, 2013, с. 24]. Какие именно патроны и бутылки найдены, не уточняется, но на фотографиях (не вошедших в отчет) представлены советские монеты, бутылка советского производства с клеймом «С м-в. з-д» и советская противогазная маска мод. 08. Конечно, можно допустить бытование у тех, кто занимал это убежище, советских вещей в качестве трофейных, но странно в таком случае полное отсутствие предметов германского (или румынского) производства. По крайней мере, в отчете и рабочих материалах они не отражены.

Остается неясным и характер самого убежища. Габариты раскопанного входа, размеры блоков, из которых сооружена лестница, и тщательность кладки стен, прежде всего, заставляют вспомнить о находившихся здесь до войны сооружениях, хорошо видимых на снимках немецкой аэрофотосъемки, датированных 1941 г. (рис. 3) [NARA, TUGS1377SG-066][10], и задаться вопросом: не могли ли быть найденные строительные фрагменты остатками конструктивных элементов довоенных построек? В таком случае и выявленное в ходе археологических работ «убежище» (если оно использовалось войсками в период боевых действий) должно было бы классифицироваться как приспособленное сооружение, возможно, предназначенное для размещения огневых средств [Альбом чертежей…], а не укрытия личного состава. Но при использовании GPS-координат объекта для точной его «посадки» на снимок становится очевидным, что убежище находится несколько западнее большой постройки барачного типа. Хотя не исключено, что лестница могла быть входом в подвал и более ранней постройки, бытовавшей здесь до начала интенсивного строительства 1930-х гг.[11]

---

[10] На кадрах аэрофотосъемки видны бараки для строителей ЖРК, появившиеся там во второй половине или конце 1930-х гг.

[11] Известно, что еще до середины 1930-х гг., когда на Тиритаке проводились археологические рас-

Судя по возможным габаритам и некоторым элементам конструкции, можно высказать осторожное предположение, что это убежище могло быть либо блиндажом командного пункта, либо блиндажом на отделение (хотя по нормативам, последние могли занимать и гораздо меньшую площадь[12]) [Альбом чертежей…]. Однако отсутствие достаточных данных о точных размерах, характере перекрытия, оборудовании (наличии отопления, вентиляции и т.п.), которые могли быть получены в ходе раскопок, исключает его реальное определение. Следует отметить и то, что в ходе раскопок могли быть получены и более точные данные о возможном наличии и расстановке огневых средств, а следовательно, направлениях и наибольшей плотности огня. В целом это представляется весьма интересным, потому что, оценивая фортификационные сооружения противника, советские специалисты отмечали отсутствие шаблона, разнообразие конструкций и умение в каждом конкретном случае исходить из огневых задач, условий местности и наличия материалов [Оборона и полевые фортификационные сооружения.., 1942, с. 21]. В полном объеме эти сведения (если бы они были получены) могли значительно расширить наши представления о характере собственно фортификационного сооружения.

В любом случае «убежище» должно быть связано ходом сообщения с линией траншей, поскольку развитая система траншей являлась основой фортификационного оборудования местности. Действительно, в отчете упоминаются «*траншеи периода Второй мировой войны*» (а также следы воронок от взрывов снарядов, уничтоживших ряд исследуемых античных объектов) [Твардецки, Матера, 2012, с. 12, 13, 14, 16, 18, 19], но сведения об их ориентации, конфигурации, профиле отсутствуют. Поэтому восстановить взаимосвязь найденного объекта с системой других оборонительных сооружений трудно. А это, вне всякого сомнения, важно, поскольку на снимках немецкой аэрофотосъемки 1943–1944 гг. [NARA, GX4358SG-028, GX2549SK-590], кроме обычной позиции в районе современного XXVIII раскопа, можно различить зигзагообразную линию с резкими изломами и углами сопряжения отрезков[13] к востоку и северо-востоку от XXVI раскопа, возможно, как-то связанную с обнаруженным убежищем (рис. 4).

Таким образом, результаты полевых исследований и, главное, тщательно выполненная фиксация выявленного объекта военного времени позволяют нам, как минимум, констатировать наличие некоего фортификационного сооружения, вероятно, относящегося к системе немецких оборонительных позиций, обеспечивающих охрану прибрежной полосы в районе порта Камыш-Бурун. И это представляет определенный интерес, поскольку других источников, способных ответить на вопросы об

копки, там сохранялись хозяйственные постройки, оставшиеся от экономии Олив «Камыш-Бурун» [Небожаева, 2011, с. 367–369]. В них после Гражданской войны размещалась животноводческая ферма, был полевой стан.

[12] Так, в некоторых источниках отмечается, что в помещении размерами 10,5 х 3 м могло располагаться до двух отделений [Оборона и полевые фортификационные сооружения.., 1942, с. 55].

[13] Этот объект отдаленно напоминает открытые щели, но с гораздо более четкой и упорядоченной гео-

организации обороны указанного рубежа, в настоящее время в нашем распоряжении нет. В то же время более детальная фиксация и определение вещевого материала (в том числе боеприпасов к стрелковому оружию) могли бы повысить информативность результатов полевых исследований.

Большое количество объектов военного времени было обнаружено и в ходе работ Мирмекийской экспедиции Государственного Эрмитажа (начальник А.М. Бутягин) на античном городище Мирмекий. В 2001–2015 гг. там, на участках «Т», «ТС» и «И» (рис. 5), были выявлены остатки траншей, углубления, ямы, воронки, блиндажи и землянка. Некоторые из них определены А.М. Бутягиным как немецкие артиллерийские позиции (без указания хронологического периода), часть – просто как объекты военного времени. Из найденных сооружений наиболее интересны два блиндажа и землянка, найденные на участке «ТС».

В квадрате № 10 был раскопан блиндаж, представляющий собой четырехугольное сооружение, вытянутое в направлении север–юг (размеры 4,9х3 м, глубина около 1 м). Стены его были закрыты досками и обтянуты рубероидом. Между досками и стенами оставалось около 0,15 м пространства, заполненного землей. К блиндажу подходили «канавы», которые, видимо, являлись ходами сообщения. В южной части были обнаружены «*снаряды для зенитных автоматов и гильзы, кроме того, в заполнении находились сломанные каски, три подшлемника, электрогенератор, примус и другие предметы*». На основании этого, а также с учетом характера и конфигурации кладок № 1 и 2 на участке «Т» (рис. 6), которые, по мнению А.М. Бутягина, были построены для того, чтобы препятствовать осыпанию грунта из насыпи позднего вала, видимо, служившего защитой для артиллерийского орудия, был сделан вывод о том, что в этом месте размещалась позиция немецкой зенитной артиллерии, прикрывавшей подходы к Керченской бухте. Кроме того, в квадрате № 5 было выявлено скопление крупных камней, которыми, вероятно, была обложена «*наблюдательная точка*» [Бутягин, 2001, 2002, 2004[14]].

Остатки второго блиндажа были раскопаны в квадрате № 22 (и частично за его пределами). В ходе раскопок были открыты три стены, две из которых ориентированы по линии северо-восток – юго-запад, а третья перпендикулярна им. Котлован блиндажа довольно точно вписан в пространство между двух стен – фрагментом «*кладки Карантина*» (с северной стороны) и массивной кладкой 36 (с южной) и заглублен на 1,7 м от современной дневной поверхности. Размеры сохранившейся части блиндажа – 3,1х2,5 м. Стены также были обшиты досками толщиной 0,015 м, сохранившимися в южной части на высоту 0,4 м, в восточной и северной – 0,8 м. Северная стена поверх досок была обшита рубероидом. Пол был покрыт деревянными досками (которые сохранились в северной части на площади

метрией, как правило, не свойственной подобного вида укрытиям. По этой причине однозначно идентифицировать его только на основании анализа аэрофотоснимка мы не можем.

[14] В распоряжении авторов настоящей работы были только выдержки из электронных вариантов отчетов, в связи с чем указания на страницы отчетов в ссылках не приводятся.

1,8х1,6 м), скрепленными тремя рядами гвоздей, расположенными на расстоянии 0,55 м друг от друга и вбитыми прямо в грунт. При постройке блиндажа сначала был вырыт котлован полукруглой формы, куда затем впущены деревянные стены и арматура. Из предметов, относящихся к периоду войны, найденных в заполнении, отмечен только «*шомпол от винтовки*» [Бутягин, 2007].

Землянка была найдена в южной части квадрата № 35. Это практически прямой угол вырытого под землянку котлована, обрывающегося по границе раскопа с юго-запада. Описания объекта в отчете нет, за исключением упоминания о том, что полом в ней служила вымостка римского времени. Говорится и о том, что поблизости ранее (в 2007 г.) была открыта ещё одна землянка. Как отмечает А.М. Бутягин: «*Вероятно, здесь находилось несколько землянок, в которых размещались расчёты зенитных орудий расположенной рядом зенитной батареи». Среди находок из комплекса «немецкой землянки*» – штык от 7,62-мм винтовки сист. Мосина и монета СССР: 3 коп. 1926 г. [Бутягин, 2015].

Определенный интерес с точки зрения оборудования позиции представляют собой и три кладки (№ 17–19), также найденные на участке «ТС». Одна из них (№ 17) служила обкладкой «*бруствера*»[15] блиндажа, расположенного восточнее. Две другие прикрывали внешний фас укрепления. Кладка № 18, в южной части раскопа, шла уступами вдоль обрыва скалы длиной по фасу 3,8 м, большая ее часть представлена лежащими в один ряд правильными каменными блоками, происходящими из развалов построек портового карантина. С восточной стороны они на протяжении 1 м лежат в два ряда (средний размер 0,2х0,2х0,5 м) [Бутягин, 2004]. Исследователь отмечает, что здесь, «*судя по всему*», были оставлены «*гнезда*» (бойницы, амбразуры?) для ведения огня в сторону пролива. На чем основывается это предположение, пояснений в тексте нет, так же как и сведений об их размерах и точном расположении. В любом случае наличие подобных элементов в фортификационных сооружениях свидетельствует о предусмотренной возможности использования их в целях противодесантной обороны. Хотя трудно представить ситуацию, при которой высадка десанта планировалась бы именно на этом участке побережья. В этом смысле сразу возникает вопрос о времени сооружения самой позиции.

Все найденные объекты датируются широко – периодом Второй мировой войны. Это понятно, поскольку задача более точной датировки перед исследователем в данном случае не стояла.

Анализ материалов немецкой аэрофотосъемки [NARA, GX4358SG-032] показывает, что обнаруженные на участках «Т» и «ТС» остатки фортификационных сооружений представляют собой участок единой позиции, идущей вдоль края Карантинного

[15] Так в тексте отчета. Как представляется, использование термина «бруствер» в данном случае некорректно, если только речь не идет о подбруственном блиндаже [Гербановский, 1939, с. 24-25], что маловероятно. Впрочем, и в таком случае бруствер относится к окопу, в котором устроен блиндаж, а не к блиндажу. Указанная кладка, скорее, фиксировала насыпь грунта над перекрытием блиндажа или могла служить упором для накатника.

мыса. Не вызывает сомнения, что она была сооружена в связи с угрозой высадки советского десанта, то есть не раньше конца лета – начала осени 1943 г.[16] Часть этой позиции впоследствии попала в границы археологических раскопов, часть, вероятно, уничтожена в ходе хозяйственной деятельности. Хотя довольно большой по протяженности отрезок западнее городища мог сохраниться до настоящего времени. В любом случае снимки не дают возможности разглядеть мелкие, но существенные детали, которые нам стали известны благодаря раскопкам и тщательной фиксации всех выявленных объектов.

Несколько иная картина на участке «И» (рис. 7), где на военных снимках в этом месте хорошо видны два земляных обвалованных сооружения квадратной формы, с подъездными путями к одному из них и ходом сообщения ко второму, однозначно идентифицировать которые по фотографии невозможно (рис. 8) [NARA, GX4358SG-032]. В отчете есть упоминание только об одном из этих сооружений – «*земляное укрытие и подходы к нему*» без указания его конфигурации и размеров [Бутягин, 2010].

Некоторые уточнения как о принадлежности выявленных объектов, так и о периоде их бытования могли быть получены при определении находок. Но в отчетах определен нумизматический материал и отдельные предметы, относящиеся к вооружению. Остальные находки лишь перечислены, хотя те же боеприпасы к стрелковому оружию (и их фрагменты) при точном определении номенклатуры и анализе штампов на гильзах, возможно, могли бы дать дополнительную информацию. В ряде случаев речь идет о «*железных предметах неизвестного назначения*» [Бутягин, 2009] или просто о находках периода Великой Отечественной войны [Бутягин, 2011]. При этом не совсем понятно, то ли назначение предметов невозможно определить из-за их состояния сохранности, то ли специализация автора в области археологии не позволила ему сделать более точное определение находок, относящихся к совсем другому периоду.

Целесообразность привлечения профильных специалистов для интерпретации некоторых существенных деталей видна, например, при анализе заключения о раскопках на участке «ТС» крупной воронки № ТС-1/2015. Эта воронка, как отмечается в отчете, «*судя по крупным кускам металла и весьма значительным размерам … образовалась в результате взрыва в культурном слое авиабомбы весом около 100 кг*» [Бутягин, 2015]. Далее уже конкретно говорится о взрыве советской ФАБ-100. Но размеры воронки в первую очередь зависят от характера грунта, и без учета этих по-

[16] Строительство оборонительных сооружений на наиболее угрожаемых участках, в том числе на Керченском полуострове, было предусмотрено в приказах ОКВ от 13 марта и 14 сентября 1943 г. [Симонов, 2004, с. 94]. Фактически эта работа была развернута уже в августе 1943 г., когда судьба немецкого оборонительного рубежа на так называемой «Голубой линии» и на Тамани была предрешена. Все промежуточные рубежи, составляющие полосу обороны, дооборудовались и совершенствовались после полной эвакуации с Таманского полуострова личного состава 98-й пехотной дивизии в октябре 1943 г., в ходе непосредственной подготовки к отражению советского наступления [Венедиктов, 2004, с. 8–10, 12].

казателей определять калибр подобных боеприпасов только на основании размеров воронки проблематично. В данном случае определяющим моментом должна была стать толщина осколков, которых было обнаружено 50 [Бутягин, 2015]. Но такой информации в отчете нет и, следовательно, вывод о калибре боеприпаса выглядит преждевременным.

Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что даже при точном следовании требованиям методики раскопок и тщательной фиксации всех результатов, остаются некоторые вопросы, которые сложно разрешить без привлечения профильных специалистов. В той части, что касается «чистой» археологии, все выглядит благополучно. Привлечение для консультаций ученых, специализирующихся в «узких областях» (нумизматике, таре, клеймах, остеологическом материале и т.п.), стало обычной, повседневной практикой. Там же, где предмет изучения выходит за рамки традиционных интересов археологов, а уж тем более – за формальные хронологические рамки, определяющие понятие «археологический слой», ситуация далека от оптимальной. С точки зрения проведения археологических работ подобное положение вещей не является нарушением требований законодательства в области охраны культурного наследия или каких-либо методик и инструкций. С точки зрения исследования объектов военного времени, встречающихся на памятниках археологии и уничтожаемых в ходе раскопок, ясно – их всестороннее изучение становится возможным, только если на стадии полевых исследований и камеральной обработки материалов обеспечить максимально полную фиксацию, что в последующем даст возможность их введения в научный оборот.

Здесь, на наш взгляд, достаточно важными представляются еще и готовность, а также способность авторов археологических раскопок удержаться от поспешных выводов, пытаясь интерпретировать свои находки или выявленные данные в той области, в которой они не являются экспертами. Пренебрежение подобным правилом может привести не просто к констатации в качестве результатов исследований неких общеизвестных постулатов, «азбучных истин», что, учитывая, как правило, высокий научный статус авторов, выглядит странным и даже ошибочным.

В этом смысле показательны некоторые материалы, опубликованные в двухтомном издании, посвященном археологическим исследованиям в Крыму в 2017–2018 гг. в рамках работ по трассе «Таврида».

Так, в статье С.Ю. Внукова и О.В. Шарова о раскопках двух военных полевых лагерей (на северной стороне Севастополя по дороге к Бахчисараю и северо-западнее Керчи), датируемых серединой XIX – началом XX вв., при сравнении[17] найденных деталей оружия и военного снаряжения, мелких инструментов, личных вещей офицеров и солдат, бытового мусора делается удивительный по «новизне» вывод: «*...видны изменения в техническом оснащении русской армии во второй половине*

[17] В статье есть только упоминание о сравнении перечисленных ниже находок, каких-либо примеров сравнения предметов в тексте не приводится.

XIX – начале XX в. И в целом возросшее за это время благосостояние офицеров и солдат» [Внуков, Шаров, 2019, с. 9]. Трудно сказать, есть ли среди историков те, кто сомневается в бурном научно-техническом прогрессе в этот период (в том числе затронувшем и область вооружения). Поскольку подробные выкладки на эту тему, так же как и о переоснащении и перевооружении русской армии в рамках военных реформ (1861–1874 гг.), разработанных военным министром Д.А. Милютиным и одобренных Александром II, можно найти в любом учебнике истории для средней школы. Нельзя не согласиться и с утверждением авторов о том, что «*находки из лагеря в Керчи (остатки фарфоровой посуды, бутылки из-под минеральной воды и не только) свидетельствуют о более комфортных условиях жизни в мирное время*» [Внуков, Шаров, 2019, с. 9]. Хотя вряд ли кто-то может представить себе более комфортные условия жизни во время войны. Складывается впечатление, что из-за отсутствия точного определения и интерпретации находок, возможностей связать их с контекстом, а, не исключено, и понимания этого контекста авторы, говоря о результатах исследований, просто отделываются общими фразами.

Впрочем, еще более неудачными представляются попытки определения материала на основе поверхностных представлений, а не специальных знаний в данной области. Подобных примеров здесь немало. Самый яркий из них – статья, посвященная исследованиям курганной группы Нижний Солнечный I и летнего военно-полевого лагеря крепости «Керчь» (вновь выявленный объект культурного наследия) [Рукавишникова, Белик, Гаспарович, Ермолин, 2019, с. 153–176]. Оставив на совести авторов утверждение о том, что «*об уникальности объекта археологического наследия позволяет судить и многочисленный материал находок, относящийся к военной деятельности и личным вещам русских войск второй половины XIX – начала XX в.*»[18] [Рукавишникова, Белик, Гаспарович, Ермолин, 2019, с. 155], поскольку из текста не видно ни многочисленности этого материала, ни тем более его уникальности, отметим лишь ряд ошибок и неточностей, допущенных при определении находок. Так, судя по подписи к рис. 8, на нем представлено «*Скопление гильз от винтовки Мосина*» [Рукавишникова, Белик, Гаспарович, Ермолин, 2019, с. 160]. В то время как на фотографии гильзы цилиндрические, рантовые, довольно широкие и короткие (учитывая соотношение длины и диаметра гильзы) – явно не от 7,62-мм винтовки сист. Мосина. Сама фотография без масштаба, поэтому предположить, к какому именно оружию они относились, проблематично, но наиболее вероятно, что это револьверные гильзы[19]. Как утверждают подписи под рис. 9 и рис. 10, на них – «*пули Минье*» [Рукавишникова, Белик, Гаспарович, Ермолин, 2019, с. 161]. Качество фотографий

[18] Стилистика оригинала сохранена.

[19] По мнению известного крымского эксперта в области боеприпасов к стрелковому оружию С.В. Вихарева (с ним согласны и специалисты Восточно-Крымского центра военно-исторических исследований И.В. Скляренко и П.В. Ручко), на фотографии представлены гильзы 10,67x24R (так называемый «44 русский») [Вихарев, 2011, с. 33]. Такое количество гильз в одном месте могло свидетельствовать о наличии там стрелкового тира.

значительно осложняет точное определение, но, судя по некоторым конструктивным особенностям, это пули унитарных патронов от винтовки сист. Бердана [Вихарев, 2011, с. 48, 105, 109; Жук, 1992, с. 468, 649]. На рис. 13 пули вообще не определены [Рукавишникова, Белик, Гаспарович, Ермолин, 2019, с. 164], хотя такое определение возможно[20]; гильзы – одна от патрона к 7,62-мм винтовке сист. Мосина, вторая – довольно необычная, ярко выраженной конической формы, с рантом, но никаких комментариев по этому поводу нет[21]. Причем ошибки и небрежности в определениях характерны не только в отношении боеприпасов (и их фрагментов) к стрелковому оружию, но и элементов обмундирования или даже бытовых предметов. Например: горелка фитильная керосиновой лампы названа просто «*керосиновой горелкой*», явно коричневое(?)[22] клеймо на фрагменте фарфоровой посуды – «*маркой синей завода Кузнецовых*» [Рукавишникова, Белик, Гаспарович, Ермолин, 2019, с. 162, 165]. И это, если говорить только о явных ошибках в определениях вещевого материала, хотя представленные в сборниках статьи содержат неточности и другого рода – к примеру, вольное обращение с терминологией.

Так, в статье А.Н. Хохлова, М.Е. Нестеровой «Исследование бивуаков российских войск времен Крымской войны 1853–1856 гг.» [Хохлов, Нестерова, 2019, с. 371–380] есть следующее замечание: «*Особое значение имеют находки пуговиц, на лицевой стороне которых изображены цифры, которые обозначали принадлежность владельца униформы к тому или иному подразделению армии*» [Хохлов, Нестерова, 2019, с. 375]. На первый взгляд, все верно. Действительно, общеизвестно, что цифры означали номер полка (и сами авторы далее об этом говорят, приводя конкретные наименования полков), но полк – это не подразделение, а часть. Кстати, такие пуговицы являются датирующим материалом, поскольку были отменены в 1862 г., но об этом авторы статьи не упоминают.

Или еще несколько примеров в других статьях сборника. В статье об исследованиях кургана № 2 у села Льговское [Рукавишникова, Бейлин, Зайцев, 2019, с. 29–56] упоминается находка бронзового ножа «*с коротким треугольным лезвием и черенком*» [Рукавишникова, Бейлин, Зайцев, 2019, с. 41], в то время как правильно было бы – с коротким треугольным клинком и хвостовиком. В статье об археологических спасательных работах на кургане Узловое Северное [Кубарев, Рукавишникова, 2019, с. 57–70] дается пространное описание найденной в захоронении сабли: «*Слева от покойного, на его левую руку, была уложена железная сабля (110 см длиной) в ножнах, с перекрестием плохой сохранности. Зафиксировано также крепление для ее подвешивания и бронзовое навершие рукояти. Наконечник на нижнюю часть ножен,*

[20] На фотографии представлены как винтовочные пули (Бердана, Минье, Петерса), так и револьверные.

[21] Судя по фотографии, на ней гильза от патрона нарезного охотничьего карабина (определение Вихарева С.В.).

[22] Так оно выглядит на фотографии. Известно, что, кроме кобальтовой краски и широко использовавшейся голубой и зеленой, иногда для клеймения применяли краску красного или золотого цвета.

выполненный из железа и бронзы…» [Кубарев, Рукавишникова, 2019, с. 62]. При этом непонятно, что названо перекрестием и при отсутствии крестовины и плохой сохранности предмета, как оно определено. Наконечник же всегда закрывает нижнюю часть ножен, он не бывает в середине или на их верхней части, где крепятся обоймицы или устье соответственно.

Подчеркнем, выше речь идет о работе археологов на археологических (пусть даже очень поздних) памятниках. Поэтому присутствие подобного рода небрежностей при исследовании объектов военного времени и определении материалов с них представляется уже само собой разумеющимся. Хотя среди множества статей, вошедших в оба тома этого весьма значимого издания, есть только одно упоминание о находках, относящихся к событиям периода Великой Отечественной войны, и оно не лишено неточностей и ошибок. В статье «Спасательные работы на «варварских» курганах вдоль трассы «Таврида» в Восточном Крыму в 2017 г.» [Меньшиков, Рукавишникова, Резниченко, Горболь, Юнкин, 2019, с. 289–324] говорится о том, что «*в юго-западной части кургана*[23] *был исследован блиндаж, в котором был найден советский боец, погибший от осколочного ранения в шею*» [Меньшиков, Рукавишникова, Резниченко, Горболь, Юнкин, 2019, с. 297]. Более по этому поводу не сказано ничего, хотя, судя по приведенным далее фотографиям, останки зачищены весьма тщательно. Но отсутствие детального описания и выявленного объекта, и останков (включая найденный вещевой материал) не дает возможности даже гипотетически предположить время и обстоятельства[24] гибели бойца, что в данном случае представляется наиболее важным. Остается надеяться, что необходимая информация есть в отчете о проведенных исследованиях и теоретически возможно введение ее в научный оборот в полном объеме, иначе даже столь тщательная зачистка и фиксация объекта представляется лишенной смысла. Нельзя не отметить и еще одну деталь. В тексте статьи говорится об исследовании блиндажа. В подписи к фотографии о том, что боец погиб «*на огневой точке, расположенной в поле кургана*» [Меньшиков, Рукавишникова, Резниченко, Горболь, Юнкин, 2019, с. 300]. Чем вызваны такие расхождения, то ли небрежностью авторов, то ли непониманием разницы между укрытием для личного состава и позицией для ведения огня, остается неясным.

Приведенные выше примеры иллюстрируют, что при сложившейся практике довольно небрежного отношения профессиональных археологов к исследованиям памятников и объектов поздних хронологических периодов рассчитывать на получение полноценной информации по результатам этих исследований пока не приходится. На это можно было бы не обращать внимания, если бы не два обстоятельства. О первом мы уже упоминали: в некоторых случаях только полевые исследования могут дать недостающие данные. Объекты периода войны, попавшие

[23] Курганная группа Фонтан-2, курган 2.

[24] Подчеркнем, что под обстоятельствами мы не имеем в виду причину. Причина гибели указана и подтверждена фото [Меньшиков, Рукавишникова, Резниченко, Горболь, Юнкин, 2019, с. 301].

в зону археологических раскопок, в ходе этих раскопок уничтожаются и при равнодушном или просто невнимательном подходе к процессу работ, фиксации и определению вещевого материала уничтожаются бесследно. То есть результаты раскопок не просто не становятся источником, к которому можно было бы вернуться неоднократно, а (в крайних случаях) не становятся источником информации вообще. Второе обстоятельство на первый взгляд не имеет прямого касательства к предмету нашего исследования и лежит, скорее, в морально-этической плоскости. Ведь ни для кого не секрет, что в профессиональных сообществах, имеющих прежде всего отношение к проблемам изучения, охраны и сохранения культурного наследия, периодически (а в последнее время все чаще) возникают многочисленные дискуссии о месте и роли поисковых работ, а точнее, тех последствий, которые они за собой влекут. Понятно, что при этом особую озабоченность вызывает возможная, а кое-где и реальная угроза полного или частичного разрушения археологических объектов в ходе подобных работ. Хотя не только это. Ведь подавляющее большинство представителей археологического сообщества с сожалением, а порой и вполне оправданным возмущением констатируют утрату исторических данных в результате непрофессионального подхода поисковиков к процессу раскопок. С этим можно согласиться. Но, как представляется, кроме (в общем-то, справедливых) упреков в адрес людей, имеющих отношение к «военному поиску», представители науки должны быть образцом ответственного отношения к делу и демонстрировать примеры высокого профессионализма. Последнее, так же как и полноценное изучение разновременных объектов, вряд ли возможно без привлечения узкопрофильных специалистов в областях, предмет изучения которых в скором времени также станет относиться к археологии, хотя бы по формальному хронологическому признаку.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Альбом чертежей фортификационных сооружений немецкой обороны [электронный ресурс] // Rufort.info – фортификация. Форум. URL: http://rufort.info/library/album/album.html (дата обращения 10.03.2018 г.)

Бутягин А.М. Отчет о работе Мирмекийской экспедиции Государственного Эрмитажа в 2001 г. Рукопись.

Бутягин А.М. Отчет о работе Мирмекийской экспедиции Государственного Эрмитажа в 2002 г. Рукопись.

Бутягин А.М. Отчет о работе Мирмекийской экспедиции Государственного Эрмитажа в 2004 г. Рукопись.

Бутягин А.М. Отчет о работе Мирмекийской экспедиции Государственного Эрмитажа в 2007 г. Рукопись.

Бутягин А.М. Отчет о работе Мирмекийской экспедиции Государственного Эрмитажа в 2009 г. Рукопись.

Бутягин А.М. Отчет о работе Мирмекийской экспедиции Государственного Эрмитажа в 2010 г. Рукопись.

Бутягин А.М. Отчет о работе Мирмекийской экспедиции Государственного Эрмитажа в 2011 г. Рукопись.

Бутягин А.М. Отчет о работе Мирмекийской экспедиции Государственного Эрмитажа в 2015 г. Рукопись.

Венедиктов Л.А. Взгляд из окопа (к вопросу об обеспечении стойкости и упорства войск в боях за Керчь в ноябре 1943 г. – апреле 1944 г.) // Военно-исторические чтения. На керченском плацдарме. Сборник научных статей. Керчь, 2004. Выпуск 2.

Вихарев С.В. Клейма и патроны. Красноперекопск, 2011.

Внуков С.Ю., Шаров О.В. Исследования Крымской новостроечной археологической экспедиции ИА РАН в 2017-2018 гг. // Крым-Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017-2018 гг. Том I. М., 2019.

Гербановский С. Развитие и оборудование окопов. М., 1939.

Жук А.Б. Стрелковое оружие. Револьверы, пистолеты, винтовки, пистолеты-пулеметы, автоматы. М., 1992.

Зинько В.Н., Зинько А.В. Отчет об охранно-археологических исследований на городище Тиритака в 2018 г. Керчь, 2019.

Кубарев Г.В., Рукавишникова И.В. Археологические спасательные работы на кургане Узловое Северное // Крым-Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017-2018 гг. Том II. М., 2019.

Меньшиков М.Ю., Рукавишникова И.В., Резниченко И.А., Горболь Н.Ю., Юнкин Ж.А. Спасательные работы на «варварских» курганах вдоль трассы «Таврида» в Восточном Крыму в 2017 г. // Крым-Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017-2018 гг. Том I. М., 2019.

Небожаева Н.В. Крымское семейство Олив // Научный сборник Керченского заповедника. Симферополь, 2011. Выпуск III.

Неменко А.В. Крымские десанты т. 2. Керченско-Эльтигенский десант (часть 1). 2017 г. [Электронный ресурс] // Литсовет. URL: http://www.litsovet.ru/index.php/material.read?material_id=537332 (дата обращения 17.03.2018 г.)

Оборона и полевые фортификационные сооружения немецкой армии. М., 1942.

Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М., 2001.

Рукавишникова И.В., Белик Ю.Л., Гаспарович С.Г., Ермолин С.А. Исследования курганной группы Нижний Солнечный I. Летний военно-полевой лагерь крепости «Керчь» – вновь выявленный объект культурного наследия // Крым-Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017-2018 гг. Том I. М., 2019.

Рукавишникова И.В., Бейлин Д.В., Зайцев Ю.П. Исследования кургана № 2 у села Льговское // Крым-Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017-2018 гг. Том II. М., 2019.

Симонов В.В. К вопросу о немецких оборонительных сооружениях в Восточном Крыму (по материалам исследований на высоте 92,7) // Военно-исторические чтения. На керченском плацдарме. Сборник научных статей. Керчь, 2004. Выпуск 2.

Симонов В.В. Экспедиция «Аджимушкай». 1998–2012. Сборник научных статей и материалов. Военно-исторические чтения. Симферополь, 2019. Выпуск 6.

Список памятников местного и национального значения, расположенных на территории Автономной Республики Крым (по состоянию на 01.01.2004 г.) Справочное издание. Симферополь, 2004.

Твардецки А., Матера М. Отчет об исследованиях Национального музея в Варшаве (MNW) на территории античного города Тиритака. Сезон 2012. Раскоп XXVII. Рукопись.

Твардецки А., Матера М. Отчет об исследованиях Национального музея в Варшаве (MNW) на территории античного города Тиритака. Сезон 2013. Раскоп XXVII. Рукопись.

Хохлов А.Н., Нестерова М.Е. Исследование бивуаков российских войск времен Крымской войны 1853–1856 гг. // Крым-Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017-2018 гг. Том II. М., 2019.

REFERENCES

Al'bom chertezhej fortifikacionnyh sooruzhenij nemeckoj oborony [Jelektronnyj resurs] // Rufort.info – fortifikacija. Forum. URL: http://rufort.info/library/album/album.html (data obrashhenija 10.03.2018 g.)

Butjagin A.M. Otchet o rabote Mirmekijskoj jekspedicii Gosudarstvennogo Jermitazha v 2001 g. Rukopis'.

Butjagin A.M. Otchet o rabote Mirmekijskoj jekspedicii Gosudarstvennogo Jermitazha v 2002 g. Rukopis'.

Butjagin A.M. Otchet o rabote Mirmekijskoj jekspedicii Gosudarstvennogo Jermitazha v 2004 g. Rukopis'.

Butjagin A.M. Otchet o rabote Mirmekijskoj jekspedicii Gosudarstvennogo Jermitazha v 2007 g. Rukopis'.

Butjagin A.M. Otchet o rabote Mirmekijskoj jekspedicii Gosudarstvennogo Jermitazha v 2009 g. Rukopis'.

Butjagin A.M. Otchet o rabote Mirmekijskoj jekspedicii Gosudarstvennogo Jermitazha v 2010 g. Rukopis'.

Butjagin A.M. Otchet o rabote Mirmekijskoj jekspedicii Gosudarstvennogo Jermitazha v 2011 g. Rukopis'.

Butjagin A.M. Otchet o rabote Mirmekijskoj jekspedicii Gosudarstvennogo Jermitazha v 2015 g. Rukopis'.

Venediktov L.A. Vzgljad iz okopa (k voprosu ob obespechenii stojkosti i uporstva vojsk v bojah za Kerch' v nojabre 1943 g. – aprele 1944 g.) // Voenno-istoricheskie chtenija. Na kerchenskom placdarme. Sbornik nauchnyh statej. Kerch', 2004. Vypusk 2.

Viharev S.V. Klejma i patrony. Krasnoperekopsk, 2011.

Vnukov S.Ju., Sharov O.V. Issledovanija Krymskoj novostroechnoj arheologicheskoj jekspedicii IA RAN v 2017-2018 gg. // Krym-Tavrida. Arheologicheskie issledovanija v Krymu v 2017-2018 gg. Tom I. M., 2019.

Gerbanovskij S. Razvitie i oborudovanie okopov. M., 1939.

Zhuk A.B. Strelkovoe oruzhie. Revol'very, pistolety, vintovki, pistolety-pulemety, avtomaty. M., 1992.

Zin'ko V.N., Zin'ko A.V. Otchet ob ohranno-arheologicheskih issledovanij na gorodishhe Tiritaka v 2018 g. Kerch', 2019.

Kubarev G.V., Rukavishnikova I.V. Arheologicheskie spasatel'nye raboty na kurgane Uzlovoe Severnoe // Krym-Tavrida. Arheologicheskie issledovanija v Krymu v 2017-2018 gg. Tom II. M., 2019.

Men'shikov M.Ju., Rukavishnikova I.V., Reznichenko I.A., Gorbol' N.Ju., Junkin Zh.A. Spasatel'nye raboty na «varvarskih» kurganah vdol' trassy «Tavrida» v Vostochnom Krymu v 2017 g. // Krym-Tavrida. Arheologicheskie issledovanija v Krymu v 2017-2018 gg. Tom I. M., 2019.

Nebozhaeva N.V. Krymskoe semejstvo Oliv // Nauchnyj sbornik Kerchenskogo zapovednika. Simferopol', 2011. Vypusk III.

Nemenko A.V. Krymskie desanty t. 2. Kerchensko-Jel'tigenskij desant (chast' 1). 2017 g. [Jelektronnyj resurs] // Litsovet. URL: http://www.litsovet.ru/index.php/material.read?material_id=537332 (data obrashhenija 17.03.2018 g.)

Oborona i polevye fortifikacionnye sooruzhenija nemeckoj armii. M., 1942.

Rossija i SSSR v vojnah HH veka: Statisticheskoe issledovanie. M., 2001.

Rukavishnikova I.V., Belik Ju.L., Gasparovich S.G., Ermolin S.A. Issledovanija kurgannoj gruppy Nizhnij Solnechnyj I. Letnij voenno-polevoj lager' kreposti Kerch' – vnov' vyjavlennyj ob#ekt kul'turnogo nasledija // Krym-Tavrida. Arheologicheskie issledovanija v Krymu v 2017-2018 gg. Tom I. M., 2019.

Rukavishnikova I.V., Bejlin D.V., Zajcev Ju.P. Issledovanija kurgana № 2 u sela L'govskoe // Krym-Tavrida. Arheologicheskie issledovanija v Krymu v 2017-2018 gg. Tom II. M., 2019.

Simonov V.V. K voprosu o nemeckih oboronitel'nyh sooruzhenijah v Vostochnom Krymu (po materialam issledovanij na vysote 92,7) // Voenno-istoricheskie chtenija. Na kerchenskom placdarme. Sbornik nauchnyh statej. Kerch', 2004. Vypusk 2.

Simonov V.V. Jekspedicija «Adzhimushkaj». 1998-2012. Sbornik nauchnyh statej i materialov. Voenno-istoricheskie chtenija. Simferopol', 2019. Vypusk 6.

Spisok pamjatnikov mestnogo i nacional'nogo znachenija, raspolozhennyh na territorii Avtonomnoj Respubliki Krym (po sostojaniju na 01.01.2004 g.) Spravochnoe izdanie. Simferopol', 2004.

Tvardecki A., Matera M. Otchet ob issledovanijah Nacional'nogo muzeja v Varshave (MNW) na territorii antichnogo goroda Tiritaka. Sezon 2012. Raskop XXVII. Rukopis'.

Tvardecki A., Matera M. Otchet ob issledovanijah Nacional'nogo muzeja v Varshave (MNW) na territorii antichnogo goroda Tiritaka. Sezon 2013. Raskop XXVII. Rukopis'.

Hohlov A.N., Nesterova M.E. Issledovanie bivuakov rossijskih vojsk vremen Krymskoj vojny 1853-1856 gg. // Krym-Tavrida. Arheologicheskie issledovanija v Krymu v 2017-2018 gg. Tom II. M., 2019.

Резюме

В статье на конкретных примерах рассматриваются вопросы возможности взаимодействия археологов и специалистов в области военной истории с целью полноценного изучения объектов периода Великой Отечественной войны, попадающих в границы археологических раскопок.

Ключевые слова: археология, военная история, археологические памятники, объекты полевой фортификации, поисковые работы, Вторая мировая война (Великая Отечественная война), Восточный Крым.

Summary

The article deals with specific examples of the possibility of interaction between archaeologists and specialists in the field of military history in order to explore the objects of the World War II that fall within the boundaries of archaeological excavations. В статье на конкретных примерах рассматриваются вопросы возможности взаимодействия археологов и специалистов в области военной истории с целью полноценного изучения объектов периода Великой Отечественной войны, попадающих в границы археологических раскопок.

Key words: archaeology, military history, archaeological site, the objects of field fortification, search work, World War II (the Great Patriotic War), Eastern Crimea.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
Симонов Владимир Владимирович,
Крымская региональная общественная организация
«Восточно-Крымский центр военно-исторических исследований»
(РФ, Республика Крым, г. Керчь, Вокзальное шоссе, д. 35, кв. 129),
председатель правления,
qvest59@rambler.ru

Котина Алла Викторовна,
кандидат исторических наук,
Центр археологических исследований Благотворительного фонда «Деметра»
(РФ, Республика Крым, г. Керчь, ул. Крупской, д. 50),
научный сотрудник,
allakotina@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS
Simonov Vladimir Vladimirovich,
Crimean regional public organization
«East Crimean center for military historical researches»,
Vokzal'noe shosse, 35, Kerch, Republican Crimea,
qvest59@rambler.ru

Kotina Alla Viktorovna, CSc,
Non-Profitable Foundation «Demetra»,
Krupskoy st., 50, Kerch, Republican Crimea,
Junior Researcher,
allakotina@mail.ru

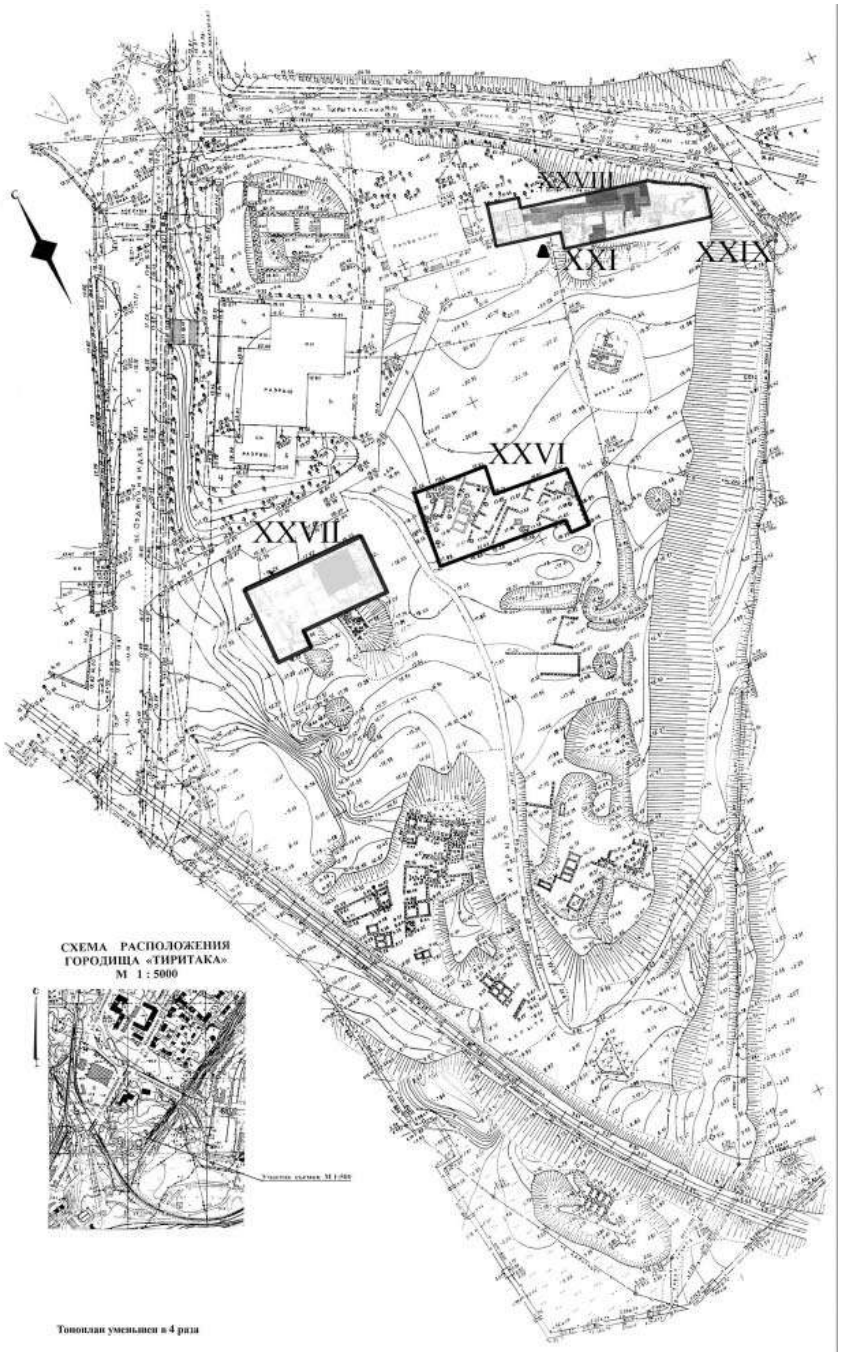

Рис. 1. Общий план городища Тиритака с обозначением раскопов [Зинько, Зинько, 2018].

ϛϛϛ

Рис. 3. Снимок немецкой аэрофотосъемки (1941 г.) с указанием месторасположения «блиндажа», выявленного в ходе археологических работ [NARA, TUGS1377SG-066].

Рис. 4. Совмещение современного спутникового снимка в районе городища Тиритака и снимка немецкой аэрофотосъемки (1944 г.) [NARA, GX2549SK-590].

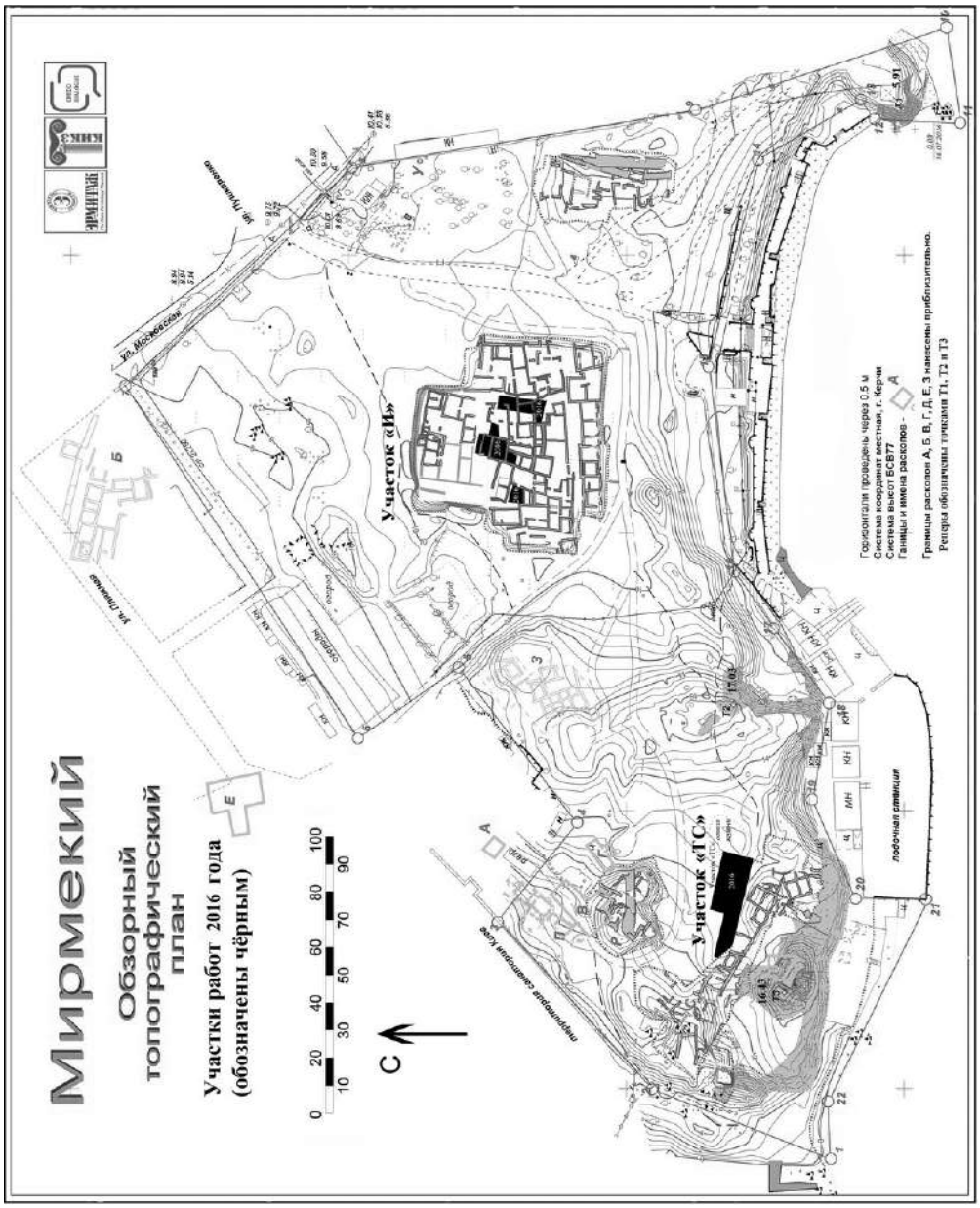

Рис. 5. Городище Мирмекий. Обзорный топографический план [Бутягин, 2001].

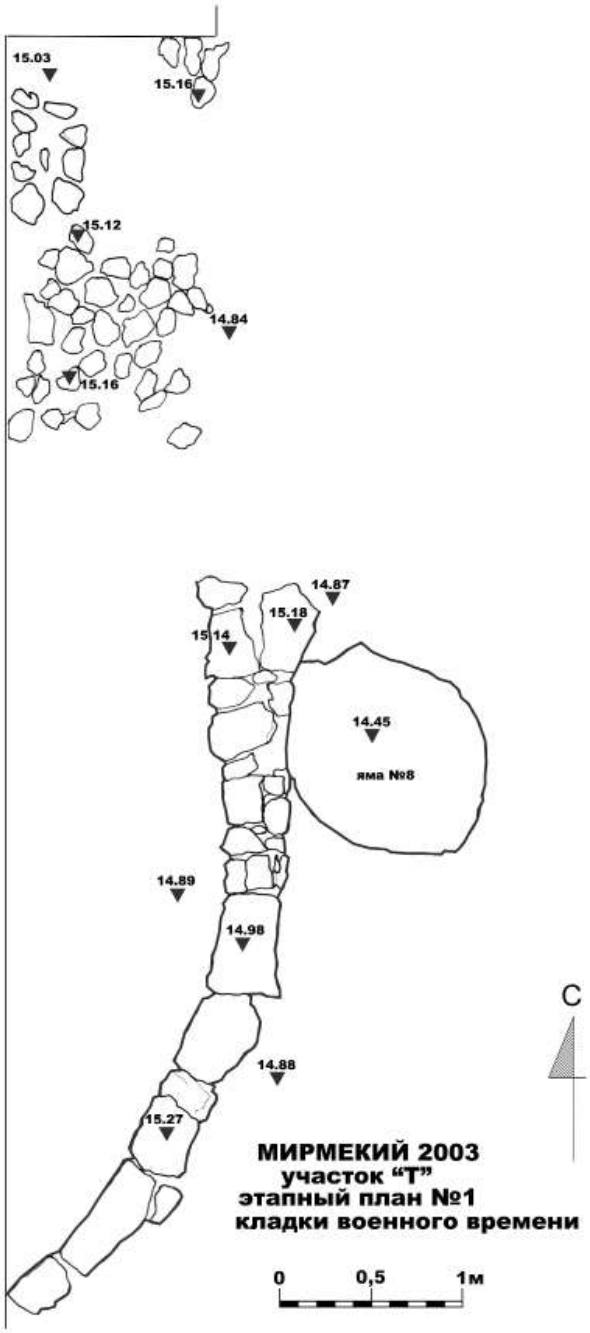

Рис. 6. Мирмекий-2003. Участок «Т». Этапный план №1 кладки военного времени [Бутягин, 2003].

Рис. 7. Мирмекий-2010. Участок «И». Южный участок. Общий вид с запада [Бутягин, 2010].

Рис. 8. Современный спутниковый снимок и снимок немецкой аэрофотосъемки (1944 г.) Карантинного мыса с обозначением месторасположения объектов периода Великой Отечественной войны [NARA, GX4358SG-032].